

Вкус одержимости.
Горячие романы Марии Зайцевой:

"Ты - наша"

Мария Зайцева

Ты - Наша

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-17

Иллюстрация на обложке *Shark*
Художественное оформление *Анастасии Грищенко*

Зайцева, Мария.
3-17 Ты — наша / Мария Зайцева. — Москва : Эксмо,
2026. — 480 с. — (Вкус одержимости. Горячие ро-
маны Марии Зайцевой).

ISBN 978-5-04-243037-4

Василиса учится на первом курсе и думает только об учебе. Скромная заучка, не самая заметная, совсем не популярная. Ее мир ограничивается учебниками и планами на будущее, где нет места головокружительным романам и безрассудным поступкам. Девушка уверена, что настоящая страсть — это то, о чем пишут в книгах, а не то, что случается с такими, как она.

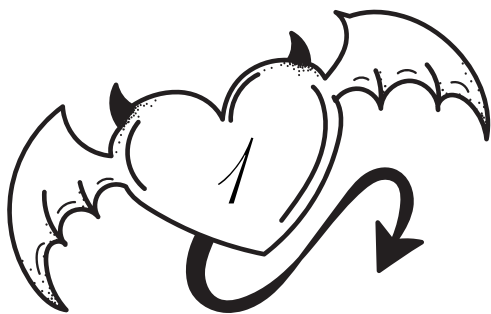
А вот два самых популярных парня универа думают по-другому... Леша Камнев, жесткий и опасный бунтарь с мрачной репутацией. Игнат Лисин, отвязный мажор, привыкший получать все и сразу. Они оба одержимы Василисой, и ни один не готов уступить.

Вот только Василиса не знает, что за сладким притяжением скрывается опасная страсть. У каждого из них есть враги и прошлое, которое вот-вот достигнет. А она только что стала их общей мишенью.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-243037-4

© Мария Зайцева, текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Шум, не громкий, но вполне отчетливый, заставляет меня остановиться и с легкой настороженностью прислушаться.

В рекреации тихо и темно, только отдаленный гул, доносящийся снизу, из спортзала, словно эхо по горам, доносится сюда, на второй этаж. Кабинеты все закрыты, верхнее освещение погашено, и мне, честно говоря, страшновато тут одной.

Сжимаю в ладони ключ от лаборантской кафедры биологии, ежусь невольно, потому что кажется, будто кто-то наблюдает за мной. Настойчивым недобрым взглядом.

Нервно оглядываюсь даже, вдруг кто-то позади?

Но коридор, такой же полутемный, как и сама рекреация, пуст.

Опять слышен шум, и в этот раз я распознаю оттенки: грохот, словно падает что-то тяжелое, массивное. Сдавленный мат. Звуки ударов. Глухие, будто по живому бьют.

Черт, это же драка! Драка где-то, за одной из этих дверей!

Становится не по себе, и я медлю, решая, что делать дальше. То ли бежать за помощью, вытаскивать из спортивного зала, где сейчас вовсю гуляют студенты, гранди-

озно празднует окончание старого и начало нового года, дежурного преподавателя, а заодно еще и охрану с поста прихватить.

То ли сначала глянуть на ситуацию самой. Мало ли, вдруг мне кажется со страху, и все не так уж и катастрофично.

У нас периодически случаются драки, это не события из ряда вон. И обычно заканчивается все примирением сторон.

Но лишь в том случае, если администрация не вмешивается.

А вот если вмешивается...

Я могу сейчас плохую службу сослужить драчунам. Вряд ли они хотят, чтоб им мешали, не зря же в кабинет пустой выбрались для разборок.

Но, с другой стороны, вдруг там убивают кого-то?

Ох, черт меня дернул забыть в лаборантской куртку! И, главное, вспомнить об этом лишь к концу вечера! Лучше бы домой в одном платье пошла, вот реально!

А теперь непонятно, что и делать...

Тут грохот становится сильнее, и я пугливо вздрагиваю. Они там что, в самом деле решили поубивать друг друга?

Выдыхаю и, решительно сжав в ладони ключ, иду в сторону шума. К кафедре биологии, кстати.

Шум все сильнее, все отчетливей, и я, смиряя напряженно звенящий гул в голове, аккуратно приоткрываю дверь...

И замираю, в ужасе от увиденного.

Первое, что приходит в голову: тут явно никто никого не убьет. Но не потому, что я ошиблась в источнике шума и нет драки.

Драка есть, и бешеная, очень жесткая.

Просто драчуны по силам примерно равны.

Смотрю, как Лис, в миру Игнат Лисин, главная мечта всех девушек универа от первых до последних курсов,

красавчик, вальяжный и пресыщенный своей популярностью парень, рыча, уворачивается от резкого выпада противника, уходит в сторону и, пользуясь тем, что тот открыл живот, с наслаждением засаживает жесткий кулак прямо в печень.

Кто-то другой от такого улетел бы метра на три в сторону и больше не встал, клянусь!

Но Камень, в миру Лешка Каменев, гроза всего универа, самый жуткий и опасный тип из всех, кого я когда-либо видела и знала, лишь пошатывается, выдавливает сквозь стиснутые зубы: «Ч-черт»... И перехватывает следующий, уже направленный прямоком в физиономию удар!

Отбрасывает от себя Лиса, да так, что тот, более худой и жилистый по комплекции, улетает-таки в сторону подоконника, по пути обрадовав спиной последовательно кафедру, тумбу и стул преподавателя и с диким грохотом повалившись на пол.

Звук падения мебели и тяжелого тела парня разносится по пустой аудитории настолько громко, что даже оглушает.

Я стою, не в силах шевельнуться, с глупо открытым ртом, и ошалело наблюдаю, как Лис, вместо того чтоб валяться в отключке от невероятно страшного, жесткого удара главного бандита универа, вскакивает с пола, словно кукла-неваляшка, отталкивается и буквально летит на соперника! И в полете умудряется как-то очень хитро извернуться, достав до челюсти Камня ногой!

Боже!

Я раньше такое только в кино видела! Там всякие восточные герои круто вертелись вокруг своей оси, поразая миллион врагов одновременно!

И никогда не думала, что вживую буду наблюдать подобное.

И вот что я вам скажу: это нисколько не занимательно! Это — страшно!

Страшно, страшно, страшно!

Камень снова, вместо того чтоб упасть после ужасного удара, лишь пошатывается, медленно, немного заторможенно стирает с разбитой губы кровь, смотрит на ладонь в красных потеках, затем вскидывает взгляд на уже приземлившегося, словно кот, на четыре конечности, Лиса... И, зарывав настолько жутко, что меня мороз по коже продирает, тяжело топает в сторону противника.

А тому и не страшно!

Усмехается, мягко манит пальцами здоровенного парня, дразня и раззадоривая. Модная прическа растрепана, челка падает на лоб, пирсинг в брови поблескивает.

Лис зубоскалит:

— Ну че, Камень, как твоя морда? Не такая уж и каменная, а? Иди, почки на крепость проверю...

— Это я тебя сейчас проверю, ур-род, — рычит Камень, делая неожиданный для его мощной комплекции мгновенный рывок в сторону Лиса и пытаясь поймать его.

Но тот, верткий и легкий, уходит в сторону, вспрыгивает на парту, словно взлетает, и оттуда снова манит к себе Камня:

— А ты не так хорош, а, Камешек? Врут про тебя, выходит?

— Сейчас узнаешь, тварь, — обещает Камень, одним движением снося парту, на которой стоит Лис, в сторону.

Лис, пошатнувшись, падает, и я не выдерживаю напряжения, вскрикиваю, вцепившись в дверной косяк белыми от напряжения пальцами.

И тут же понимаю, что зря, совершенно зря это сделала!

Потому что парни замирают, кажется, буквально в полете, и поворачиваются ко мне. С пугающей синхронностью.

И нет, Лис не падает, как мне со страху показалось вначале, а лишь легко перескакивает с уже перевернутой вверх тормашками парты на соседнюю.

Словно заправский паркурщик!

Лис всегда казался нахальным, пресыщенным, развращенным мажором, любимцем и любителем девушек, не знающим вообще проблем в этой жизни. Оно и неудивительно, его отец владеет самой крупной у нас в регионе продуктовой сетью магазинов. Так что шикарная машина, постоянные гулянки, миллион девчонок, меняющихся со скоростью света, — непременные атрибуты легкой и безбедной жизни мажора.

Лис — мажор. В отличие от его противника.

Потому что Лешка Каменев — вообще полная противоположность Лиса.

Мрачный, немногословный, одетый нарочито просто и небрежно всегда, он пугает одним своим видом: тяжелым взглядом исподлобья, не улыбочивой физиономией и широченным разворотом плеч. С ним не связываются. Его обходят стороной. Изгой, одиночка.

Неизвестно, чем бы дело кончилось, учитывая, что Камень — чемпион в своем весе по смешанным единоборствам, а Лис, говорят, черный пояс имеет... Так что исход драки вообще неясен.

Да и не узнаю я никогда, чем все могло бы завершиться, потому что драться они больше не собираются, похоже. Отвлеклись.

Парни смотрят на меня молча, не шевелясь и словно бы не веря, что я реальна. По крайней мере, выражения физиономий у них на редкость сложные.

Я почему-то пугаюсь еще больше, только теперь осознав, что вообще не стоило заходить сюда, не стоило прерывать их... Судя по не особо побитым лицам, ничего страшнее синяков тут никому не грозило.

И черт меня дернул!

А теперь что делать?

Мария Зайцева

Я вроде как свидетель... Чего-то. Судя по выражению глаз парней, им не особо хотелось, чтоб кто-то узнал о том, что тут творилось только что.

Я облизываю пересохшие губы, открываю рот, чтоб заверить, что никому никогда ни за что...

Но из горла вырывается только жалкий сип, голоса нет совершенно.

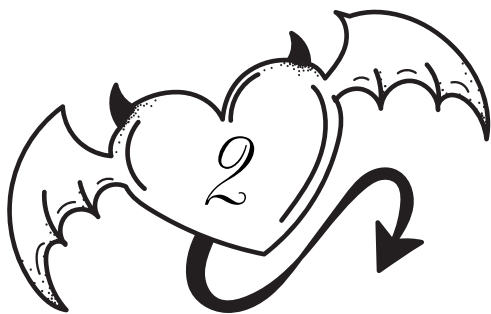
— Я-а-а... — сглатываю, пробуя еще раз, — я-а-а... мне надо было... куртку... Я... Пойду.

С этими словами я делаю шаг назад, не сводя испуганного взгляда с парней.

И в этот момент они, мельком переглянувшись, идут ко мне.

Тоже синхронно. Пугающе.

За несколько месяцев до...

— **В**ась, мне все равно не нравится эта твоя затея.
Тошка хмуро смотрит на меня, вздыхает, тянется поправить выбившийся из строгого хвоста локон.

Но я, недовольная очередным непонятным мне отчитыванием, лишь сердито отмахиваюсь, отступаю на шаг, сжимая в руках сумку.

Тошкина ладонь, чуть повисев между нами, словно в нерешительности: то ли продолжать и дотянуться до моих волос уже, то ли убратся, наконец, падает.

Я смотрю, как друг тянется к карману, достает темный футляр вейпа, затягивается. Ароматный пар окутывает его лицо, делая выражение глаз непонятным, нечитаемым.

Я со вздохом поворачиваюсь и иду в сторону остановки.

Надо же, такой день мне изгадить пытается! А еще друг!

— Вась, стой!

Теплая ладонь ловит за локоть, разворачивает к себе.

Задираю голову: Тошка высокий, а я — вообще нет, и никакие каблуки тут не помогут. Смотрю на друга,

сдвинув брови и всем видом показывая, насколько он не вовремя со своими нравоучениями.

— Мне надо на автобус, — холодно информирую его, — а то опоздаю на линейку.

— Да и плевать, — бормочет Тошка, — делать там нечего...

— Тебе на пятом курсе, может, и нечего, — отчитываю его, — а для меня важно. Первый курс, новая группа... И вообще... Хватит уже, блин! Я уже поступила, я уже зачислена! Все! Прекрати мне про это говорить! Тем более что никаких серьезных причин, почему мне не надо учиться там, ты так и не назвал!

— Называл! — начинает кипятиться Тошка, сжимая меня за локоть сильнее и причиняя этим боль. Морщусь, дергаюсь в его ладони, но бесполезно. Не отпускает!

— Отпусти немедленно! — приказываю я. — Мне больно!

Тошка, помедлив и словно решая, послушать меня или нет, все же отпускает.

Потираю локоть, смотрю на него настороженно и зло.

— Что это на тебя нашло, вообще?

— Блин... — Тошка останавливает взгляд на красных пятнах от пальцев, ярко проступающих на белой коже, кривит губы виновато. — Прости... Не рассчитал...

— Просто мамонт какой-то, — с досадой говорю я. — Ты, блин, вспоминай иногда, что я — девочка!

— Я это постоянно помню, — с очень странной интонацией отвечает Тошка.

— Ладно... — Я бросаю взгляд на часы. — Мне пора уже. Ты, если на линейку не идешь, меня не задерживай.

Разворачиваюсь к остановке, потому что времени совсем нет, но Тошка снова встает на пути:

— Довезу, пойдем.

— Не надо, я тебя боюсь, — отвечаю я, все еще дуясь, и пытаюсь обойти парня, но он снова преграждает путь.

— Да ладно тебе, я просто расстроен... Ну, прости, Вась! Я же не нарочно!

— Еще бы ты нарочно!

Снова смотрю на часы и, чуть помедлив, все же сдаюсь.

Опаздываю по его милости, а на линейку хочется вовремя прибыть... Пусть везет, черт с ним.

Уже в машине, пристегиваясь, сурово предупреждаю:

— Начнешь опять этот разговор, выпрыгну на ходу, клянусь!

Тошка сжимает челюсти и молча заводит мотор.

Я выдыхаю и откидываюсь на сиденье, разглядывая пролетающие мимо дома и пытаюсь отвлечься и обрести утерянное хорошее настроение. Внутри все бурлит от негодования и обиды. Потому что мой друг детства не поддержал меня в моем решении. Моем выборе. Впервые.

И это лишает меня уверенности в себе и той радости, что испытала, поступив туда, куда хотела, куда стремилась, до последнего держа все в страшной тайне. Просто, чтоб не слезить.

Правда, в основном эта секретность была для родителей, явно не одоббивших мои старания для поступления на вышку. Просто потому, что учиться девушке, по их искреннему мнению, вообще не обязательно.

И как хорошо было раньше: три класса церковно-приходской — и замуж!

А сейчас все стали самостоятельные и никого не слушают. А институты эти — разврат сплошной! Там одни проститутки учатся!

И нет, я не в девятнадцатом веке живу. И не в деревне дикой, не в сибирском скиту староверцев, а в крупном областном городе-миллионнике. И область у нас — третья по уровню жизни в стране. Учитывая, что первые и вторые места занимают два столичных региона, то по-

Мария Зайцева

нятно, что все в порядке у нас с образованием, работой и прочим.

А вот с мозгами у моих предков, к сожалению, все далеко не в порядке. И если раньше я это воспринимала как данность, потому что ничего другого не знала и считала, что происходящее нормально и у всех так, то, когда подросла и начала немного соображать, поняла, насколько у меня в доме все не так, как у других людей.

Хорошо, что хватило ума в тот момент осознания всей безвыходности ситуации промолчать и затаиться... А затем выдохнуть и начать судорожно искать выход.

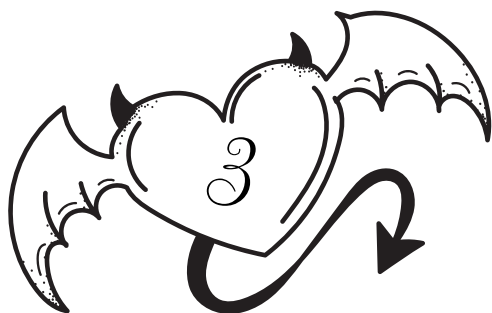
Удивительно, что Тошка, прекрасно знающий, что происходит у меня в доме, почему-то был дико против того, чтоб я продолжала учебу.

И это особенно бесило.

Неужели не понимает, что мне нет другого пути, кроме как выучиться, получить самостоятельность и сбежать прочь из домашней тюрьмы?

А я-то думала, что он, наоборот, порадуетя...

Я смотрю в окно и вспоминаю, как рассказывала другу про свою победу, свой успех: поступление в самый престижный не только у нас в городе, но и по области, да что там — входящий в десятку самых крутых универов страны!

Я думала, что Тошка, который тоже там учился, на пятом курсе уже, порадует за меня!

Но мой друг выслушал, недовольно нахмурившись, а затем... принялся отговаривать от поступления!

Я сначала даже не поняла, что это не розыгрыш, улыбалась, весело отвечая на его серьезные слова, уверенная, что это он так прикалывается.

Ну не может же Тошка на полном серьезе...

Оказалось, может.

Мы тогда поссорились. И даже не разговаривали целый долгий месяц.

И это было тяжело, потому что Тошку я знаю практически всю свою жизнь, с того самого дня, когда его семья переехала в наш подъезд больше десяти лет назад.

Его родители, в отличие от моих, были совершенно нормальными и сына своего старались баловать. Самокат, велосипед, крутой скейт... А он всем этим с удовольствием делился со мной... Ох, как нам было весело в детстве!